

От автора

Считаю своим приятным долгом принести благодарность коллегам, чей доброжелательный интерес к задуманной мною книге, чьи замечания, советы, а порой и готовность поделиться еще неопубликованными материалами были для меня существенной поддержкой и помощью на разных этапах работы над рукописью. Перечисляя имена в алфавитном порядке, спешу назвать А. Ю. Арьева (Санкт-Петербург), Л. Г. Беспалову (Москва), О. Р. Демидову (Санкт-Петербург), Н. М. Первухину (Ноксвилл, США), А. А. Пурина (Санкт-Петербург), И. Н. Толстого (Прага), В. И. Хазана (Иерусалим, Израиль), В. Л. Шохину (Москва).

Хочу также выразить самую искреннюю признательность двум близким Берберовой людям, находившимся рядом с нею на протяжении тридцати с лишним лет: Мурлу Баркеру и Рональду Миллеру (Сиэтл, США). Мурл Баркер, бывший студент Берберовой в Йеле, ставший со временем ее как бы приемным сыном и прямым наследником, с исключительной щедростью дал мне доступ к фотографиям из своего архива, а его пожизненный партнер Рональд Миллер, взявший на себя всю нашу переписку, сопровождал фотографии подробными и крайне полезными комментариями. Должна принести сердечную благодарность двум известным мастерам художественной фотографии: Софи Бассулс (Париж) и Марианне Волковой (Нью-Йорк), разрешившим безвозмездно использовать в книге сделанные ими фото-портреты. Не могу не сказать спасибо и Лизон Дюбрей (Монреаль, Канада), автору романа из жизни Берберовой, предпринявшей путешествие по связанным с нашей общей героиней местам и любезно предоставившей мне свои фотографии.

Кроме того, должна высказать признательность Роману Кацману (Иерусалим, Израиль), который «сосватал» мою рукопись в издательство Academic Studies Press, а также всем сотрудникам этого издательства, непосредственно причастным к превращению рукописи в книгу.

И, наконец, хочу отметить вклад моих подруг — Ксении Шерговой, Екатерины Вигман и Ирины Иониной, внимательно прочитавших рукопись и внесших важные поправки и предложения. И, конечно, эта книга не была бы написана без участия моего мужа, Александра Колчинского, неизменного спутника в скитаниях по архивам и безотказного помощника в оседлой жизни.

Ряд фрагментов книги восходят к опубликованным ранее журнальным статьям: Винокурова И. «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?..»: Нина Берберова и Симона де Бовуар // Вопросы литературы. 2012, № 2. С. 295–336; Винокурова И. Набоков и Берберова // Вопросы литературы. 2013, № 3. С. 115–171; Винокурова И. «Здесь, в Америке, были мною встречены люди, о которых говорить еще не время...»: Нина Берберова и Роберт Оппенгеймер // Вопросы литературы. 2014, № 2. С. 13–37; Винокурова И. «Камер-фурьерский журнал» Нины Берберовой // Звезда. 2014, № 8. С. 200–214; Винокурова И. «Курсив мой» в англоязычном мире, или Приключения «Италиков» // Звезда. 2016, № 4. С. 195–229; Винокурова И. «Не могу себе представить, чтобы книга не вышла по-русски...» // Знамя. 2017, № 12. С. 124–148; Винокурова И. Нина Берберова и третья волна эмиграции // Звезда. 2018, №10. С. 146–191; Винокурова И. Неоконченные споры: Еще раз о «деле» Нины Берберовой // Звезда. 2019, № 8. С. 162–176; Винокурова И. «Люди, о которых говорить еще не время...»: Нина Берберова и Луи Фишер // Звезда. 2020, № 4. С. 115–149; Винокурова И. Нина Берберова: Труды и дни по дневникам и письмам (середина 1930-х — середина 1960-х) // Звезда. 2021, № 8. С. 157–195.

Предисловие

Имя Нины Берберовой я знала примерно с конца 1960-х, когда мне в руки попала труднодоступная в Советском Союзе книга — «Собрание стихов» Владислава Ходасевича. Этот сборник, вышедший на Западе в 1961 году, составила Берберова, однако то, что она была не только женой Ходасевича, но и сама писала стихи и прозу, я обнаружила существенно позднее, в конце 1970-х, прочитав «Курсив мой», контрабандой доставленный из-за границы. Книга произвела на меня очень сильное впечатление.

Не меньшее впечатление произвела на меня и личная встреча с Берберовой, когда она появилась в Москве в сентябре 1989 года. Ясность ее памяти, острота ума, живость реакции не могли не поразить, равно как подтянутость и легкость походки, неожиданная в восемьдесят восемь лет.

К моменту ее приезда в Москву между мной и Берберовой уже шла переписка, возникшая на деловой почве. Работая в то время в журнале «Октябрь», я была редактором первой публикации «Курсива» в России, и моя задача была весьма деликатной. Я должна была выбрать такие фрагменты книги, которые были бы особенно интересны для наших читателей, почти ничего не знавших даже о самых знаменитых литераторах-эмигрантах, и сделать из этих фрагментов так называемый журнальный вариант. Эта публикация, включившая больше сотни страниц из первых глав «Курсива», появилась в 1988 году в трех номерах «Октября». Берберова, к моей радости, осталась ею довольна. Это определило тональность наших дальнейших отношений.

Берберова прилетела в Россию на две недели, и, как только самолет приземлился а Шереметьево, ее сразу окружила толпа

почитателей. А потому наша первая «настоящая» встреча произошла через несколько часов — в гостинице «Украина», где Берберова остановилась в Москве.

Московское расписание Берберовой было исключительно напряженным: ежедневные выступления перед малыми и большими аудиториями, многочисленные интервью и встречи. Но мы — по настоянию Берберовой — виделись каждое утро: решали, какие отрывки «Курсива» она будет читать на своих выступлениях, пытались предугадать, о чем ее могут спросить из зала. Через несколько дней, 10 сентября, Берберова написала мне на сборнике своих стихотворений: «Эта книга — для Иры, которую я люблю, ценю и которой я благодарна за ее помощь в моей бурной московской жизни»¹.

Однажды, когда в наших ежеутренних разговорах образовалась пауза, я решила задать Берберовой несколько вопросов. Стараясь не затрагивать наиболее скользкие темы (а что такие имелись, мне было известно), я попросила ее прояснить ряд давно интриговавших меня моментов «Курсива». Берберова старалась держаться ласково, но отвечала уклончиво, а иногда, как я потом обнаружила, не совсем правдиво.

Я тогда же записала все сказанное ею, хотя не думала в то время, что это когда-нибудь пригодится мне в работе. Заниматься Берберовой профессионально я совершенно не собиралась.

Что же побудило меня взяться за эту задачу через двадцать с лишним лет? Во-первых, стремление прояснить наконец те вопросы, на которые я, как и другие читатели «Курсива», по-прежнему не получила ответа. Речь идет в основном о многочисленных «умолчаниях», в наличии которых Берберова призналась в «Курсиве» сама. Во-вторых, меня (и, конечно, не только меня²) смущало ощущение некоторой «заданности» автобиографического «я», возникшее после чтения (и особенно перечитывания)

¹ Архив И. Е. Винокуровой. В тот же день Берберова сделала на имевшемся у меня экземпляре «Собрание стихов» Ходасевича такую надпись: «Милой и дорогой Ирочке от (полной к ней нежных чувств) Нины» (Ibid.).

² См., в частности, [Гинзбург 2002: 273].

«Курсива». Все это вызывало желание понять, что же представляла собою Берберова, так сказать, без глянца.

Конечно, со времени публикации «Курсива» на Западе, а затем и в России о Берберовой появилось немало содержательных статей, где обсуждались различные аспекты ее творчества, а отчасти и биографии³. Во Франции вышла и целая монография «Мир Нины Берберовой», написанная Идой Юнкер, исследовательницей российского происхождения, уже много лет живущей в Париже [Junker 2012].

Добросовестно учитывая публикации своих предшественников, Юнкер делает упор на творчество Берберовой, начиная с самых ранних ее работ и кончая последними. Что же касается биографии, то все сведения о жизни Берберовой в России, во Франции, а затем и в Америке Юнкер берет в основном из «Курсива». Неудивительно, что американские годы Берберовой, о которых в ее книге говорится крайне скупно, почти полностью остаются за кадром.

Между тем Берберова провела в Америке сорок с лишним лет, достигла впечатляющих высот, встретила немало интересных людей, но обсуждение всех этих тем, как она прямо сказала в «Курсиве», оставила на будущее. А когда Берберова собралась наконец развернуть эти темы, написав продолжение автобиографии, ей помешали другие дела. Выполнение этой задачи она как бы возложила на своих будущих биографов.

А потому я решила сосредоточить внимание на американском периоде жизни Берберовой: с осени 1950 года, когда она приплыла на пароходе в Нью-Йорк, и вплоть до ее кончины осенью 1993-го в Филадельфии⁴.

События 1910–1920-х я упоминаю только мимоходом, но 1930–1940-е годы обсуждаю гораздо более подробно, хотя тоже выборочно, практически не затрагивая становление Берберовой

³ См. [Fraser 1996: 17–63; Будницкий 1999; Ронен 2001; Peterson 2001; Kalb 2001; Шраер 2010; Frank 2018].

⁴ Этой темы кратко коснулась О. Демидова, но довела повествование лишь до 1960 года. См. [Демидова 2007].

как литератора, интенсивно шедшее в это время. В своем решении я исходила из того, что довоенное творчество Берберовой уже получило определенное освещение в рецензиях критиков первой волны эмиграции, исправно откликавшихся на все ее новые вещи, а также в работах позднейших исследователей, включая Иду Юнкер.

Однако на протяжении тех же 1930–1940-х в личной жизни Берберовой произошли важнейшие перемены, о которых по-прежнему было практически ничего не известно. В «Курсиве» о них говорится или очень кратко, или обиняками, или не говорится вообще. Именно на этих событиях, опираясь на сохранившиеся в архивах материалы, я фокусируюсь в первых двух главах книги.

И наконец, хочу сказать несколько слов о ее композиции в целом. Книга состоит из двух частей, в первой из которых прослежены «дни и труды» Берберовой, тогда как вторую составляют сюжеты, требующие отдельного и подробного разговора.

Среди этих сюжетов — история написания, публикации и рецензии «Курсива» на английском и на русском, рассказ о встречах Берберовой в Америке с людьми, о которых она собиралась написать в продолжении автобиографии, а также обсуждение ее обширных контактов с «лучшими людьми» (по слову Довлатова) третьей волны эмиграции, включая самых знаменитых. Еще одну главу я решила посвятить истории отношений Берберовой и Набокова, достаточно тесных на протяжении 1930-х и получивших, как я пытаюсь показать, определенное отражение в двух набоковских вещах — в рассказе «Весна в Фиальте» (1936) и в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1938–1939). А в последней главе я обсуждаю один из самых болезненных моментов биографии Берберовой: ее настроения и поступки во время оккупации Франции. Вернуться к этой теме, уже не раз обсужденной другими исследователями, меня побудили обнаруженные мною документы, корректирующие наши прежние представления.

Чтобы написать эту книгу, мне пришлось провести в архивах не один месяц. Больше всего времени, естественно, ушло на архивы Берберовой в библиотеке Бейнеке в Йеле и в Институте

Гувера в Стэнфорде. Вдобавок мне казалось необходимым просмотреть архивы ее корреспондентов, а также иных из ее друзей и недругов, хранящиеся в Институте Гувера, в библиотеке Конгресса, в библиотеке Мадда в Принстоне, в Бахметевском архиве Колумбийского университета и в архиве Иллинойского университета в Урбане-Шампейне.

В заключение не могу не рассказать о сюрпризе, который ждал меня в архиве Берберовой в Бейнеке. В папке, на которой стояла моя фамилия, я нашла очень теплое письмо, написанное Берберовой уже после ее возвращения из Москвы, но почему-то оставшееся неотправленным⁵. Это случилось в один из моих первых визитов в Йель, но я уже знала, что подобные вещи были не в характере Берберовой: она не бралась за письмо, если не собиралась его отправить, и уж точно не оставляла в архиве. Конечно, поездка в Россию надолго выбила Берберову из колеи, и она могла отступить — и, очевидно, отступала — от этого правила. И все же было трудно не поддаваться соблазну (разумеется, в шутку) расценить сохранившееся в архиве послание как некий ободряющий знак. Правда, я не думаю, что, будь Нина Николаевна жива, иные обнаруженные мною факты, а также построенные на этих фактах догадки ее бы обрадовали. Но тут уж я поделать ничего не могу.

⁵ Без даты. Судя по контексту, начало января 1990 года. См.: Nina Berberova Papers. MSS 182. B. 51. F. 1156; Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. B. 21. F. 604.

Часть I

.....

ТРУДЫ И ДНИ
ПО ДНЕВНИКАМ
И ПИСЬМАМ

.....

Как известно, профессиональные литераторы нередко считают нужным вести дневники, хотя делают это с разными целями.

Кто-то сознательно готовит дневники для публикации, иногда начиная печатать их прямо при жизни, но чаще поручая это сделать своим наследникам.

Кто-то ведет дневники исключительно для себя: с целью самодисциплины, психотерапии, а также в качестве подспорья для будущих книг, особенно если имеются планы взяться позднее за автобиографию или воспоминания. Конечно, такого рода планы реализуются далеко не всегда, но дневники нередко оставляют для потомства (включая будущих биографов), обычно просмотрев и проредив.

Именно так и поступила когда-то Берберова. Она вела дневники (с перерывами) начиная с ранней молодости и практически до самой кончины. Но в более или менее полном виде сохранились лишь записи за последние десятилетия, тогда как из дневников предыдущих лет до нас дошли лишь небольшие фрагменты.

Глава 1

1930-е

Судя по свидетельству самой Берберовой, идея взяться за дневник не соблазняла ее ни в детстве, ни в юности. Вкус к этому занятию ей явно привил Ходасевич, так сказать, своим личным примером.

С первых же дней их совместного отъезда за границу летом 1922 года Ходасевич стал вести ежедневные дневниковые записи, шутливо именуемые им «камер-фурьерским журналом». В такие журналы при русском Императорском дворе заносились события придворной жизни, а Ходасевич заносил события своей, кратко фиксируя, что он в этот день делал, куда ходил, кого видел. Берберова не только знала о существовании «камер-фурьерского журнала», но имела к нему непосредственный доступ, а иногда даже что-то писала в нем сама¹.

Однако в какой-то момент ей захотелось начать отдельный дневник.

В силу своей крайней лаконичности (все описания и переживания, за редчайшими исключениями, оставались за кадром) «журнал» Ходасевича предназначался исключительно для внутреннего пользования и был задуман, похоже, как средство самодисциплины, а также, конечно, как возможное подспорье для будущей мемуарной прозы. Очевидно, что такие же цели ставила перед собою Берберова, принимаясь за собственные записи. Воля к самоорганизации, ставшая впоследствии одной из глав-

¹ См. записи от 27 марта 1923 года, с 23 по 28 ноября 1923 года и от 29 мая 1924 года в [Ходасевич 2002: 42, 53, 60].

ных черт ее характера, была, видимо, не чужда ей с рождения, да и мысль о будущих мемуарах не могла не появиться уже в самые первые месяцы за границей. Оказавшись в Берлине (именно туда они с Ходасевичем прибыли из Петрограда), Берберова сразу попала в общество Белого, Шкловского, Эренбурга, Алексея Толстого, Цветаевой, а затем и Горького. Рядом с Горьким — в курортном городке Саарове — они с Ходасевичем вскоре поселятся.

Видимо, именно в Саарове Берберова начинает вести дневник. О существовании такового она упоминает в послесловии к первому изданию «Курсива» на русском, объясняя, что в вошедших в нее воспоминаниях о Горьком опиралась на «записи 20-х годов» [Берберова 1972: 630]². Но по какой-то причине эти записи до нас не дошли, хотя Берберова, несомненно, продолжала их использовать и при рассказе о своей дальнейшей жизни, включая переезд в 1925 году в Париж, где они с Ходасевичем осели и где прожили вместе семь лет. Самый ранний из сохранившихся дневников Берберовой относится к существенно более позднему времени. Он был начат ею уже после ухода от Ходасевича, а вернее — в самый день ухода, 26 апреля 1932 года.

Подобный жест был, конечно, глубоко символичен: жизнь начиналась с «чистого листа», и с чистого листа начинался дневник — как прямая реализация этой метафоры. Другое дело, что сама манера ведения записей, очевидно, осталась прежней, в свое время усвоенной от Ходасевича. Дневник Берберовой, охвативший период с конца апреля 1932-го до конца декабря 1933-го, практически идентичен «журналу» Ходасевича: в нем содержится информация точно такого же рода и в точно такой же предельно краткой форме. Берберова даже использует ту же самую систему мнемонических знаков. И если, скажем, косая черта в дневнике Ходасевича разделяла записи, сделанные в разное

² Описывая в «Курсиве» события более раннего времени — приезд в Берлин и поездку в Прагу, — Берберова ссылается на «календарь» (то есть на «камерфурьерский журнал») Ходасевича, обильно его цитируя.

время дня [Демидова 2002: 20], то аналогичную функцию выполняет этот знак и в дневнике Берберовой.

Ее записи свидетельствуют о сильнейшей интеллектуальной зависимости от Ходасевича, имевшей место не только во время их семейной жизни, но сохранившей свою инерцию и после разрыва. Правда, сама Берберова была не слишком склонна эту зависимость афишировать, но все же не отрицала, что в известном смысле Ходасевич был ее «Пигмалионом», а она его «Галатеей»³. И хотя дневник Берберовой 1932 и 1933 годов — не единственный документ, способный проиллюстрировать такой, в общем, не вызывающий сомнения факт, он выполняет эту функцию с особой наглядностью.

Конечно, у «журнала» Берберовой есть свои особенности, но их легко перечислить. Ходасевич, к примеру, не доверял дневнику никакой информации, которую хотел бы сохранить в секрете, Берберова же порой отклонялась от этого правила, а потому ей приходилось впоследствии тщательно вымарывать иные слова, причем так, чтобы их стало невозможно прочесть. И хотя ее записи не были предназначены для посторонних глаз, Берберова, очевидно, считала нужным подстраховаться. В ряде случаев о причине ее осторожности догадаться нетрудно: ей явно не хотелось, чтобы были обнаружены ее кратковременные увлечения.

Помимо вымаранных слов дневник Берберовой имеет и другую характерную черту: он весь испещрен пометками красным. Однако эти пометки были сделаны гораздо позднее — в начале 1960-х, в процессе работы над «Курсивом», когда Берберова стала внимательно просматривать свои давние записи.

Красным карандашом было подчеркнуто то, что могло пригодиться и — в своем большинстве — пригодилось для книги. В частности, тот эпизод «Курсива», где говорится о случайной встрече с Замятиным в «русском книжном магазине» и их беседе

³ Характерно, однако, что в «Курсиве» этот образ возникает в несколько сниженном, комическом контексте — как цитата из «витиеватой речи» профессора Н. К. Кульмана на одном из торжеств в честь Ходасевича. Цит. по: [Берберова 1983, 2: 470]. В дальнейшем, за исключением специально оговоренных случаев, все цитаты из книги приводятся по этому изданию.

в кафе «Дантон», очевидно, вырос из следующей записи от 4 июля 1932 года: «К Чертоку [служащий Дома книги. — *И. В.*]. В кафе (с Замят<иным>)»⁴. А основой для описания банкета «Современных записок», где Берберова сидела рядом с Жаботинским, послужила запись от 30 ноября 1932-го: «Веч<ером> на банкет Совр<еменных> Зап<исок> (Жаботинский, Михельсон [сотрудник «Последних новостей». — *И. В.*], Керенск<ий> и пр<очие>)»⁵. Красным карандашом Берберова подчеркнула и все свои встречи с Набоковым, которых осенью 1932 года было немало. Повествуя об этих встречах в «Курсиве», она не просто опирается на дневниковые записи, но непосредственно воспроизводит их в тексте.

Наличие дневника, с которым можно было в любой момент справиться, вовсе не означало, что Берберова ставила своей главной задачей не отклоняться от него в «Курсиве». Иногда она отклонялась от собственных записей еще более радикально, что особенно заметно в рассказе о том, чем были заполнены ее первые дни после ухода от Ходасевича. В «Курсиве» об этом повествуется так:

Был конец апреля 1932 года. Я нашла комнату в Отель де Министер, на бульваре Латур-Мобур... <...> В тот первый вечер я расставила книги и повесила платя в шкаф, разложила бумаги на маленьком шатком столе и повалилась в постель, как только стало темно. От усталости я ничего не понимала, в голове не было ни одной мысли, в теле вовсе не было сил. Я спала до четырех часов следующего дня, когда он пришел посмотреть, как я устроилась, и повел меня обедать, а вернувшись, я опять повалилась, едва успев раздеться, и опять спала до следующего вечера. И так продолжалось трое суток, пока на четвертый день я не проснулась в обычное время, часу в девятом, и, взглянув на потолок моей мансарды, поняла — в одну-единственную, закругленно-обнявшую всю меня, сияющую радугой минуту, все, что я сделала [Берберова 1983, 2: 403–404].

⁴ Nina Berberova Collection. MSS 573. B. 5. F. 66; Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University.

⁵ Ibid.

Дневник Берберовой, надо заметить, этот рассказ не подтверждает. Записи свидетельствуют, что она отнюдь не проспала «трое суток», а провела их достаточно деятельно:

- 26 вт<орник>. Переезд на Latour Maubourg. Веч<ером> В<ладя>. С ним в кафе.
27 ср<еда>. Почта. Кафе. Полиция / к Поволоц<кому>. (100 фр<анков>). Посл<едние> Нов<ости>. К Сазоновой (Коля Слон<имский>. Шлецеры, Варезы, Познеры — 3). В Select (Рейзини, Кнут, Терап<иано>, Манд<ельштам>, Ладин<ский>, Брасл<авский>).
28 чет<верг>. В Uniprix.
29 пятн<ица>. — Гуляла / в Нац<иональную> библи<отеку> (Вейдле). В П<оследние> Н<овости>. (С Капл<уном> в кафе). Веч<ером> Ася.
30 суб<бота>. 12 ч<асов> В<ладя>, с ним обедать, в кафе. Покупки. / 8 ч<асов> к Жене, с ней в кафе⁶.

Берберова, как видим, продолжает функционировать со своей обычной энергией: отправляется на почту, в полицию (сообщить новый адрес), к издателю Поволоцкому (получить деньги), на службу (в газету «Последние новости»), в универсальный магазин «Uniprix», в гости к Ю. Л. Сазоновой, у которой собирались литераторы, композиторы, музыканты, в читальный зал библиотеки, бродит по городу, проводит вечер в кафе «Select» в компании молодых литераторов, видится с двоюродной сестрой Асей.

Все это, разумеется, не означает, что уход от Ходасевича дался Берберовой легко и что его реакция была ей безразлична. В «Курсиве» подробно рассказано о том, как образовалась и постепенно разрасталась трещина в их «общей жизни», как в какой-то момент Берберовой стало понятно, что больше всего на свете ей хочется «быть без него, быть одной, свободной, сильной, с неограниченным временем на руках»:

Теперь я знала, что уйду от него, и я знала, что мне надо это сделать как можно скорее, не ждать слишком долго, потому что я хотела уйти н и к к о м у, а если эта жизнь будет

⁶ Nina Berberova Collection. B. 5. F. 66.

продолжаться, то наступит день, когда я уйду к комму-
н и б у д ь, и это будет ему во много раз тяжелее. Этой тя-
жести я не смела наложить на него [Там же: 402].

Однако у Берберовой не было сомнений, что и без этой допол-
нительной «тяжести» ее уход нанесет Ходасевичу сильнейший
удар. И хотя остановить ее не могло уже ничто, включая, как
помнит читатель «Курсива», угрозу Ходасевича «открыть газик»,
такая перспектива ее, несомненно, пугала: Берберовой очень не
хотелось никаких эксцессов.

Неслучайно в ее романе «Без заката» (1936–1938), примечатель-
ном своей откровенной автобиографической основой и прозрач-
ностью прототипов, аналогичная семейная ситуация разрешает-
ся гораздо более спокойным для главной героини образом. Полная
жизненной энергии Вера (явно списанная с самой Берберовой),
мучительно тяготящаяся своим немолодым и вечно больным
мужем Александром Альбертовичем (явно списанным с Влади-
слава Фелициановича Ходасевича), получает желанное освобо-
ждение без всяких усилий и осложнений: муж тихо умирает сам.

Видимо, стараясь адекватно передать в «Курсиве» свои тогда-
шние очень сложные чувства и боясь сфальшивить, Берберова
решает о чувствах не говорить. Вместо этого она сообщает чита-
телю о своем якобы продолжавшемся несколько суток неодоми-
мом, почти летаргическим сне — свидетельстве крайнего нерв-
ного изнеможения. И этот придуманный ею беллетристический
ход, возможно, был наиболее точным не только с чисто художе-
ственной точки зрения, но и с моральной. Жертвуя внешней
стороной дела, Берберова сумела не покривить душою по гораз-
до более серьезному счету.

В этом проявилась и известная деликатность по отношению
к Ходасевичу, которую Берберова тщательно соблюдает на всем
пространстве «Курсива». В романе «Без заката» такая деликат-
ность как раз начисто отсутствует: Берберова, очевидно, считала,
что сам жанр романа (в отличие от документального повество-
вания) развязывает автору руки. И все же нетрудно представить,
какой горечью отозвался в душе Ходасевича весь связанный

с Александром Альбертовичем сюжет, хотя своих эмоций он ничем не выдал. Его рецензия на журнальный вариант этой вещи, напечатанной в 1936 году под названием «Книга о счастье», выдержана в подчеркнуто спокойных, беспристрастных тонах. Ходасевич считал «Книгу о счастье» неровной, и тем не менее отметил, что «история Веры» рассказана «со множеством прекрасных частных, с большим литературным своеобразием»⁷.

Конечно, к 1936 году вся ситуация с Берберовой теряет для Ходасевича первоначальную болезненность: к этому времени он будет два с лишним года как женат. Но, несмотря на женитьбу, у читателя «Курсива» не возникает сомнений, что Берберова оставалась его главной любовью вплоть до самой кончины. Об этом свидетельствует воспроизведенный в книге один из самых последних их разговоров, а также стихи, один из которых — «Нет, не шотландской королевой...» (1936) — Берберова детально комментирует в «Курсиве»⁸. Но она предпочитает не писать о том, как мучительно переживал ее уход Ходасевич и как долго надеялся на ее возвращение. Вместо этого Берберова многократно подчеркивает, что отношения продолжали оставаться исключительно близкими, практически родственными. Они по-прежнему проводили много времени вместе, встречаясь обычно два раза в неделю:

...он приходит ко мне, мы обедаем у меня и потом до ночи играем в угловом «бистро» на билиярде; или я еду к нему, и мы завтракаем у него; или встречаемся недалеко от редакции «Возрождения», в подвале кафе «George V». Потом я провожаю его или мы долго гуляем по улицам... [Там же: 417].

⁷ Ходасевич В. Книги и люди: «Современные записки», кн. 62-я // Возрождение. 1936. 26 дек. № 4058. С. 9.

⁸ Любопытно, что в комментариях к «Собранию стихов» Ходасевича Берберова относит к написанным в тот же период стихотворение «К Лиле». Однако это стихотворение, в котором содержатся такие строки: «Кентавров скорее кровь / В бальзам целебный превратится, / Чем наша кончится любовь...», было создано весной 1929-го, за три года до их разрыва. Столь серьезная ошибка в датировке выглядит странной, но вполне объяснимой на уровне подсознания.

О том, что дело так и обстояло, говорят и дневник Берберовой, и «журнал» Ходасевича, и их переписка⁹. Конечно, тон писем Ходасевича бывал иногда суховатым, нарочито деловым, а иногда, напротив, наигранно веселым, но в основном он оставался исключительно нежным. В письме, ориентировочно датированном весной 1933 года и частично приведенном в «Курсиве», Ходасевич, в частности, пишет: «...ничто и никак не может изменить того большого и важного, что есть у меня в отношении тебя» [Там же: 419]. Как свидетельствует дальнейшее, этого «большого и важного» не смогло изменить даже то серьезное испытание, которое вскоре выпадет Ходасевичу на долю и которое, судя по дневниковым записям, принесет ему немало страданий, — любовь Берберовой к человеку, ставшему впоследствии ее вторым мужем.

* * *

Этого человека звали Николай Васильевич Макеев, и в «Курсиве» Берберова представляет его так:

Он был одним из самых младших делегатов в Учредительное собрание в 1917 году, членом партии с.-р., журналистом, автором книги о России (Лондон, 1919), считался сотрудником «Дней», «Современных записок», выставлял картины в Салоне в тридцатых годах, и не было человека, который бы не чувствовал к нему немедленной приязни. Гостеприимный, веселый, всегда добрый и широкий и вместе с тем взбалмошный, энергичный и способный, он вдруг заметил меня, будучи знаком со мной лет семь, и, раз заметив, уже не отпустил. <...>

Смысл нашей встречи и нашего сближения, смысл нашей общей жизни (десять лет), всего вместе пережитого с ч а с т ь я, значение этой любви для нас обоих в том, что он для меня и я для него были олицетворением всего того, что было для обоих — на данном этапе жизни — самым главным, самым нужным и драгоценным. Нужным и драгоцен-

⁹ Берберова приводит в «Курсиве» обширные отрывки из нескольких писем Ходасевича. Эти письма без купюр будут напечатаны позднее. См. [Ходасевич 1988].

ным для меня было тогда (а может быть, и всегда?) делаться из суховатой, деловитой, холодноватой, спокойной, независимой и разумной — теплой, влажной, потрясенной, зависимой и безумной. В нем для меня и во мне для него собралось в фокус все, чего нам не хватало до этого в других сближениях. <...> Были ли мы друг для друга символом России? Символом молодости, силы и здоровья? Силы, для которой весь мир был точкой приложения? Может быть, но еще и многого другого, о чем мы не задумывались тогда и что невозможно назвать, не повредив его [Там же: 442–443]¹⁰.

В романе Берберовой «Без заката» Makeев выведен под фамилией Карелов, и хотя в смысле житейских деталей он менее схож со своим прототипом, чем Александр Альбертович или Вера, об их взаимной любви с героиней там говорится очень подробно и прочувствованно.

И все же, несмотря на ту огромную роль, которую сыграла в жизни Берберовой встреча с Makeевым, она пишет о нем в «Курсиве» весьма кратко и неохотно. В первом, англо-американском издании книги Берберова даже скрывает его имя, отчество и фамилию под одним-единственным инициалом «Н». Это обстоятельство вызовет раздраженное замечание одного из первых рецензентов «Курсива», Глеба Струве, и в последующих русских изданиях книги Берберова сделает ряд добавлений, но добавлений минимальных. В основном тексте «Курсива» Makeев будет по-прежнему фигурировать под инициалами — «Н. В. М.», но в помещенном в конце книги «Биографическом справочнике» Берберова их расшифрует, добавив дату рождения Makeева (1889), а во втором издании книги и дату его смерти (1975), при этом ненароком ее перепутав. Makeев скончался двумя годами ранее, в 1973 году, как непреложно свидетельствует собственный

¹⁰ Ту же тему — в гораздо более откровенной манере — Берберова затронет в серии интервью, данных уже в глубокой старости журналистке Кеннеди Фрейзер. В своем эссе о Берберовой Фрейзер, в частности, воспроизводит такой разговор: «С Николаем, — как сказала она мне однажды, когда я застала ее в размягченном состоянии духа, — я впервые поняла, что значит найти себе пару в физиологическом смысле этого слова» [Fraser 1996: 55]. (Перевод здесь и далее мой, за исключением специально оговоренных случаев. — И. В.)

дневник Берберовой¹¹. В том же «Биографическом справочнике» будет упомянута и книга Макеева «Russia», вышедшая в Нью-Йорке (и Лондоне) в 1925 году, хотя Берберова не сообщает, что эта книга была написана им в соавторстве с Валентином О'Харой, достаточно известным в свое время политическим журналистом, специалистом по России¹².

Стремление Берберовой свести информацию о «Н. В. М.» к минимуму объясняется несколькими причинами, но прежде всего тем, что расстались они не особенно дружески и что Макеев — при всех своих разнообразных талантах — не состоялся ни на одном из поприщ.

Конечно, его политическая карьера, так ярко начавшаяся в России, прервалась не по его вине, а особых возможностей продолжить ее в эмиграции не было, хотя Макеев и пытался найти применение своему опыту и общественному темпераменту. В начале 1920-х он был председателем Главного комитета Земгора (Российского земского и городского союза) за границей, а также членом Лондонского Российского общественного комитета помощи голодающим в России [Казнина 1997: 33–34]. Одновременно — по примеру других оказавшихся в эмиграции русских политиков — Макеев стал пробовать силы в журналистике. Его книга о России получила (вполне справедливо) немало высоких отзывов, но закрепить успех не удалось: эта книга окажется единственной крупной работой Макеева-журналиста. В дальнейшем он будет печатать главным образом рецензии, да и то сравнительно редко. Амбиции Макеева-художника, в свою очередь, не были реализованы. Как сообщается в примечаниях к французскому изданию «Курсива», он учился у Одилона Редона [Berberova 1989: 562], неоднократно участвовал в выставках, в том числе и весьма престижных, но создать себе сколько-нибудь известное имя у него не получилось.

¹¹ Запись от 27 марта 1973 года // Nina Berberova Papers. В. 51. F. 1156.

¹² В основном тексте «Курсива» Берберова пишет, что работа Макеева о России вышла в Лондоне в 1919 году, и это несоответствие не было исправлено ни в одном из многочисленных изданий книги.

Словом, у Берберовой было достаточно оснований, чтобы мягко, но вполне недвусмысленно написать о Макееве в «Курсиве»:

Для меня он был и остался одним из тех русских людей, которые, как некий герой народной сказки, решительно все умеют делать и решительно ко всему способны. Но почему-то так выходит, что в конце концов ничего не остается от этих способностей, вода льется у них между пальцев, слова уносит ветер, дело разваливается. И вот уже никто ничего от них не ждет. И чем меньше верят им, тем больше они теряют веру в себя, чем меньше ждут от них, тем бессмысленнее тратят они себя и остаются в конце концов с тем, с чего начали: с возможностями, которые не осуществились, и с очарованием личным, которое дано им было со дня рождения как благодать [Берберова 1983, 2: 442].

Неудивительно, что Берберовой было важно остаться в читательском сознании прежде всего «женой Ходасевича». И все же читателя «Курсива» не может не интриговать фигура человека, прожившего с Берберовой десять с лишним лет. Ее явное нежелание о нем распространяться способно только подогреть любопытство.

Правда, дневник 1933 года проливает свет не столько на биографию Макеева (о нем мы по-прежнему узнаем немного), сколько на биографию самой Берберовой, выявляя и ряд неизвестных нам ранее фактов, и, главное, новых граней характера. Ее записи наглядно иллюстрируют те изменения, о которых Берберова пишет в «Курсиве» в связи с рассказом о встрече с Макеевым, а именно превращение «из суховатой, деловитой, холодноватой, спокойной, независимой и разумной», какой она ощущала себя до этой встречи, в «теплую, влажную, потрясенную, зависимую и безумную» [Там же: 443], какой она становилась по мере развития их отношений.

* * *

Макеев и Берберова были, видимо, знакомы с конца 1925 года, когда редакция газеты «Дни» переместилась из Берлина в Париж. В этой редакции они и встретились: журналист с немалым опы-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru